

„Ницшеанская мораль насилія и христіанское смиреніе въ ихъ отношеніи къ достоинству человѣческой личности“.

*Продолженіе *).*

У всѣхъ почти древнихъ языческихъ народовъ Божество было такимъ, которое совершенно подавляло и принижало человѣческую личность, вслѣдствіе чего и естественное чувство смиренія у нихъ превращалось въ боязливое состояніе, въ рабскій трепетъ предъ нимъ, какъ существомъ, которое только караетъ слабого и беззащитнаго человѣка. Не то мы видимъ въ христіанствѣ. Христіанскій Богъ (не отвлеченная абстракція, не пустая идея,) не сила и не законъ, а реальнѣйшая личность, и какъ таковая обладаетъ всѣми свойствами и качествами, но въ безконечной мѣрѣ и степени!

Этотъ Богъ творитъ киръ и человѣка, котораго надѣляетъ Своимъ образомъ и подобіемъ¹⁾, благодаря чему человѣкъ превозносится надъ всѣмъ твореніемъ. Ему указывается особое назначеніе: безконечно развивать начала добра, заложенныя въ его природу. Но человѣкъ не устоялъ въ своемъ первоначальномъ состояніи и палъ. Богъ, будучи Самъ высочайшею любовью,²⁾ предопредѣляетъ искупить человѣка, для чего посылаетъ въ міръ Сына Своего, Который, претерпѣвъ страшныя мученія, примиряетъ его съ Богомъ. Теперь человѣкъ дѣлается причастникомъ Божества, жилищемъ Божіимъ, храмомъ Св. духа³⁾. Онъ не рабъ, а возлюбленное чадо Бога, не рабскій страхъ лежитъ въ основѣ отношеній его къ Богу, но сыновнее дерзновеніе, сыновняя

*) См. Епарх. Вѣд., № 25.

¹⁾ Быт. 1, 26 - 27; 2, 7, 21—22.

²⁾ Лук. 11, 2. Іоан. 20, 17. Мѡ. 7, 11. 1 Іоан. 4, 16.

³⁾ 1 Іоан. 3, 1. Гал. 4, 7. 2 Петр. 1, 4. 1 Кор. 6, 19. Еф. 2, 19.

любовь, сыновняя преданность. Богъ для христіанина является началомъ и концомъ жизни и дѣятельности. Стремленіе къ Нему не есть вынужденное вслѣдствіе одного только могущества Божія, нѣтъ, оно является результатомъ любви и благодарности къ Богу, оно добровольно, ибо христіанскій Богъ— абсолютная любовь, абсолютная справедливость, однимъ словомъ абсолютная полнота всего того, что для человѣка дорого, возвышенно, что онъ любитъ своей богоподобной душой. «Жажда безъ утоленія, алчба безъ насыщенія, потребность безъ удовлетворенія есть скорбь, болѣзнь, мученіе. Ища Бога, мы хотимъ обрѣсти Его, хотимъ обладать Имъ и быть обладаемымъ отъ Него, прискренно приобщиться Его, быть въ Немъ и Его имѣть въ себѣ. Въ этомъ то живомъ, внутреннемъ, непосредственномъ общеніи Бога съ человѣкомъ и человѣка съ Богомъ и есть его послѣдняя цѣль». ¹⁾ Къ этому взаимообщенію христіанинъ призывается путемъ самоотреченія, подавленія въ себѣ грѣховныхъ наклонностей и привычекъ. Это же возможно при сознаніи своихъ недостатковъ, ибо тогда только человѣкъ можетъ исправить ихъ. Другими словами, въ основѣ христіанскаго совершенствованія лежитъ смиреніе.

Смиренный человѣкъ сознаетъ свое духовное убожество, предъ нимъ ясны всѣ уклоненія отъ нравственнаго закона. Въ простотѣ своего сердца онъ чувствуетъ даже самыя малѣйшія, незамѣтныя для огрубѣвшаго чувства, нарушенія добра. Несоотвѣтствіе поступковъ съ требованіями нравственнаго закона побуждаетъ смиреннаго человѣка наперечъ всѣхъ духовныхъ силы, чтобы избавиться отъ своихъ недостатковъ, а это обстоятельство очищаетъ почву для проведенія въ жизни христіанскихъ началъ.

Если мы взглянемъ на главныя христіанскія добродѣтели, то увидимъ, что онѣ возможны только при наличіи сми-

¹⁾ Еп. Феофанъ «Начертаніе христіанскаго нравоученія».

ренія. Христіанская вѣра въ Бога и Его откровеніе необходимо предполагаетъ смиренное убѣжденіе въ томъ, что безъ этой вѣры не могутъ быть удовлетворены наши духовная потребности, что въ ней именно ключъ къ познанію истины, къ усвоенію добра и блаженства. Христіанская надежда также основывается на смиренномъ сознаніи того, что человѣкъ самъ по себѣ ничтоженъ и нуждается въ благодатной помощи. Если посмотрѣть на вѣнецъ христіанскихъ добродѣтелей—любовь, то и здѣсь увидимъ, что она возможна при условіи смиреннаго убѣжденія въ необходимости искупительныхъ заслугъ Спасителя. Добродѣтель терпѣнія весьма важная въ нравственной жизни опять предполагаетъ смиренное признаніе того, что бѣдствія, постигающія человѣка въ этой жизни, являются слѣдствіемъ грѣховности и необходимы для нравственнаго увраченія души. Отъ смиренной настроенности получаютъ свое истинное значеніе милосердіе, великодушіе, искренность, простодушіе и др. Да и вообще, какую бы мы ни взяли добродѣтель, безъ смиренія она не имѣетъ никакой цѣны. Въ смиреніи, такимъ образомъ, залогъ всего духовнаго развитія личности. «Стоитъ утратить смиреніе, говоритъ еп. Теофанъ Затворникъ, какъ это развитіе прекращается. Сердце начнетъ черствѣть и замыкаться, а искры добра, хранящіяся въ немъ, въ концѣ концовъ неминуемо погибнуть».¹⁾ И въ самомъ дѣлѣ, ничто такъ не припятствуетъ духовному развитію, ничто такъ погубно не вліяетъ на душу какъ качество противоположное смиренію—гордость. Гордый уже по самому своему существу глухъ ко всему тому, что говоритъ о его слабостяхъ, а безъ сознанія своихъ недостатковъ не возможно нравственное развитіе. Самозамкнутый, считающій себя стоящимъ не измѣримо выше всѣхъ по своимъ, часто мнимымъ, достоинствамъ, онъ застываетъ на той точкѣ развитія, на которой на-

¹⁾ «Письма о христіанской жизни».

ходится въ данное время и дальше не идетъ. Въ умственномъ отношеніи такая гордость проявляется въ преклоненіи предъ разумомъ, въ вѣрѣ въ его непогрѣшимость. Въ гордомъ самоослѣпленіи онъ предлагаетъ различныя теоріи и ученія, которыя смѣняются одни за другими, будучи безсильны привести къ искомой истинѣ. Не желая знать ни Бога, ни Его откровенія, гордый человѣческій разумъ пытается самостоятельно разрѣшить: «что тайна отъ вѣка, въ чемъ состоитъ существо человѣка, что онъ такое, куда онъ идетъ и кто тамъ вверху надъ звѣздами живетъ».¹⁾ Появляется раціонализмъ, который, завладѣвъ на нѣкоторое время умами людей, падаетъ подъ ударами научно-философской критики, благодаря своей слишкомъ узкой односторонности. На сцену выступаетъ матеріализмъ, котораго постигаетъ та же участь, затѣмъ какой то странный мистицизмъ и наконецъ пессимизмъ съ его жалкою проповѣдью о небытіи, какъ результатъ извѣрившагося въ самомъ себѣ гордаго ума человѣческаго.

Совершенно иное происходитъ въ умѣ смиреннаго человѣка. Для него научная истина, понимаемая какъ согласіе мысли съ дѣйствительностью, не можетъ служить конечнымъ пунктомъ познанія. Внѣшній, видимый міръ не вѣченъ, рано или поздно онъ долженъ прекратить свое существованіе, почему и согласіе мысли съ этимъ міромъ—истина только относительная, онъ на ней не останавливается и стремится къ абсолютной истинѣ Христу, Который самъ себя назвалъ истинной.²⁾ Въ уразумѣніи этой истины и заключается христіанское знаніе. Началомъ и концомъ его является Богъ. «Источникъ премудрости—слово Бога Всевышняго и шествія ея—вѣчныя заповѣди».³⁾ Но Богъ—этотъ предметъ христіанскаго вѣдѣнія,

1) Гейне.

2) Иоан. 14. 16.

3) Прем. Сирах. 1, 5.

не можетъ быть всецѣло обнять умомъ человѣка. Отъ этого послѣдняго требуется смиренное преклоненіе предъ величествомъ дѣлъ рукъ Его, при сознаніи слабости и безсилія проникнуть въ тайны мірозданія. Исходя изъ этого положенія, смиренный человѣкъ тѣмъ самымъ устанавливаетъ правильную точку зрѣнія на познаніе: То, что превышаетъ его разумѣніе, онъ не будетъ стараться въ чтобы то ни стало понять и освѣтить сообразно своей тенденціонной мыслью. Онъ постарается представить это такъ, какъ оно является всякому безпристрастному ученому и наблюдателю, чѣмъ будетъ способствовать вполнѣ объективному изученію предмета или явленія. Это же дѣлаетъ его болѣе близкимъ къ истинному пониманію и уясненію смысла вещей.

«Христіаское смиреніе, пишетъ Гоголь, спасаетъ повсюду и отгоняетъ то самоослѣпленіе, которое находитъ на многихъ, даже очень умныхъ людей; они, узнавши только одну половину дѣла, уже думаютъ, что узнали все и летятъ опрометью дѣйствовать, тогда какъ, увы, даже и въ томъ дѣлѣ, которое повидимому насквозь извѣстно, можетъ скрываться цѣлая половина неизвѣстнаго».¹⁾ Будучи по существу своему спокойнымъ, чуждымъ всякой аффекности, состояніемъ, смиреніе болѣе гарантируетъ человѣка отъ всевозможныхъ ошибокъ и увлеченій, чѣмъ гордость, часто соединяемая съ нетерпѣніемъ и раздраженіемъ. Смиреніе даетъ возможность безпристрастно судить о достоинствѣ того, что слѣлано другими, принять и слѣдовать истинѣ, доказанной и найденной другими, чего нельзя сказать о гордости, которая только себя ставитъ на недостижимый пьедесталь, не признавая за другими никакого значенія. Если такъ важно смиреніе въ умственной жизни человѣка, то еще болѣе оно важно въ сферѣ его чувствъ. Уже потому самому, что смиреніе относится къ чув-

¹⁾ «Переписка съ друзьями.»

ствующей природѣ, можно судить, каково вліяніе его въ этой области человѣческаго духа.

Всякое общество людей стремится прежде всего обезпечить свое существованіе чрезъ установленіе законовъ и порядковъ, которые гарантировали бы правильное и нормальное развитіе его членовъ. Такъ какъ всѣ нестроенія зависятъ главнымъ образомъ отъ грубости нравовъ, то дѣятельность главныхъ представителей его направляется на то, чтобы смягчить эти нравы. Но гдѣ то средство, благодаря которому возможно облагородить ихъ? Оно является камнемъ преткновенія для многихъ и очень многихъ устроителей земного счастья человечества.

Причины неудачи заключается въ односторонности мѣръ, предпринимаемыхъ для этой цѣли. Большинство, и при томъ, подовляющее большинство желаетъ видѣть исцѣляющее начало исключительно въ культурѣ и цивилизаціи.

Болѣе совершенныя формы соціальной и политической жизни, сближеніе людей, распространеніе просвѣщенія, обогащеніе науками, искусствами и практическими знаніями—все это, говорятъ, способствуетъ смягченію нравовъ. Но такая мягкость можетъ быть, какъ она часто и бываетъ, чисто внѣшнею, основанной на вѣжливости, на требованіи правилъ приличія, лоска, вообще того, что называется свѣтскою воспитанностью. Человѣкъ мягокъ сердцемъ, любовно относится къ другимъ не вслѣдствіе сознанія нравственнаго значенія и важности такого образа дѣйствій, но оттого, что, поступая иначе, онъ прослыветъ человѣкомъ отсталымъ, не воспитаннымъ, не терпимымъ въ интеллигентномъ обществѣ. И насколько онъ любвеобиленъ тамъ, гдѣ нужно быть таковымъ для поддержація своего реноме quasi добраго человѣка, настолько онъ можетъ быть звѣремъ, гдѣ надъ нимъ нѣтъ общественнаго контроля. Мы этимъ нисколько не отрицаемъ благотворнаго вліянія куль-

туры и цивилизаціи, говорить иначе, значить идти противъ очевидной истины, но видѣть въ нихъ единственное и универсальное средство не возможно, потому что облагораженіе человѣческихъ нравовъ является плодомъ не обогащенія ума разнообразными познаніями, въ чемъ главнымъ образомъ и полагается сущность культуры, а въ воспитаніи сердца и воли на христіанскихъ нравственныхъ началахъ. Исторія сохранила намъ имена (Бэконъ), которыя поражаютъ страннымъ и удивительнымъ сочетаніемъ высокаго ума, образованности и просвѣщенія съ крайней распущенностью и сознательнымъ игнорированіемъ и пренебреженіемъ элементарныхъ правилъ добропорядочности.

(Окончаніе слѣдуетъ)

Въ защиту церковно-славянскаго языка. *)

(Окончаніе).

Но, говоря о значеніи книги славянской, можно ли забывать учителю, что онъ долженъ также подготовить дѣтей къ плодотворному воспріятію церковно-славянской рѣчи и въ томъ видѣ, какъ она слышится въ храмѣ? Богослуженіе тоже сроднилось съ душой православнаго, какъ чтеніе слова Божія. Мнѣ приходилось бывать въ разныхъ краяхъ Россіи, въ большихъ городахъ и въ захолустныхъ сѣлахъ. Бывалъ я не разъ и въ храмахъ и вѣздѣ видѣлъ ихъ наполненными народомъ, и даже тамъ, гдѣ по обстоятельствамъ (напр. лѣтомъ—въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ), народъ не могъ быть въ храмѣ (въ дни вечернихъ богослуженій, не успѣвая возвратиться съ полей), — тѣ сравнительно не многіе (какъ и многіе), кто былъ